

Любовный треугольник:

сцена, зритель, оркестр

... Пока люстры в театре еще горят, становится заметным еще один герой нашей драмы: между двумя барьерами, разделяющими публику и сцену, в углублении с неромантическим названием «оркестровая яма» рассаживается оркестр, издавая живой диссонанс настраиваемых инструментов. Вот и на месте все герои «любовного треугольника»: сцена - зритель - оркестр.

Первые упоминания о придворных оркестрах в России относятся к 1729 году: в архивных документах по управлению театрами говорится, что придворный оркестр разделялся на два инструментальных ансамбля: «камер-музыку» и «бальный оркестр». «Первый, в коем помещены лучшие музыканты, употреблялся для игранья опер и концертов при дворе, а второй для балов и игранья таких представлений при дворе, в коих отменных талантов не нужно». Вот он – прообраз нынешнего театрального оркестра и, кстати, первое компетентное рассуждение, где и какие таланты нужны... («...цех задорный Людей, о коих не сужу, Затем, что к ним принадлежу») Наконец, свет в зрительном зале снят, и оркестр начинает играть увертюру - небольшое симфоническое произведение, содержащее в музыкальном изложении все образы спектакля, вводящее слушателя в определенную атмосферу оперного действия. Но - стоп! «Еще не перестали топтать. Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать...»

И это естественно - ведь занавес еще не открылся! Как часто бывают утоплены в шуме, неуместных аплодисментах и разговорах, быть может, самые сокровенные мысли композитора! И в это мгновение, находясь в оркестровой яме, несколько по-иному начинаешь воспринимать барьер, явный и условный, между оркестром и зрителем. Барьер, на который присаживаются, кладут бинокли, программки и сумочки, а иностранцы, в свойственной им манере свободно держаться, вешают на него свои пиджаки. Этот барьер-стена заставляет по-другому ощущать истинный смысл слова «культура». Может быть, это – умение понять и оценить?

Заходя в яму перед спектаклем, оркестранты сразу чувствуют зрителя. Он бывает благородным и благодарным, чутким и равнодушным, и даже

диким (случается, что оркестр подвергается «обстрелу» монетами, металлическими уголками или попросту бумажными шариками). Зритель многолик. Есть здесь и любители опер, не пропускающие редко идущие «Пиковую даму» и «Аиду». Есть и поклонники отдельных певцов, знающие их репертуарный график. Хорошо знакомы оркестру эмоциональные любители балета, а также элитная публика премьерных спектаклей. Незабываемы для любого артиста оркестра мгновения, когда под аплодисменты подходит к нему человек из зрительного зала. Незнакомый, преподносит цветы и сдержанно благодарит за сыгранное соло. Но, если честно, явление это крайне редкое. Чаще всего цветы летят поверх голов оркестрантов на сцену к тем, кому непосредственно адресованы аплодисменты.

И тогда ощущается второй барьер – между оркестром и сценой. Все реже благодарят мастера сцены оркестр за гибкое сопровождение; а ведь не было раньше в театре привилегированных слоев, и здоровались друг с другом даже малознакомые люди. И все профессии были одинаково уважаемы: костюмер, рабочий сцены, режиссер, артист. А теперь молодые солисты не здороваются с артистами оркестра. Все чаще балет гастролирует под фонограмму, а солисты оперы поют под рояль. Все реже в театральных программках появляется примечание «соло в оркестре исполняют», оркестр не попадает в рекламные буклеты... Вот уж воистину:

«Кто жил и мыслил, тот не может

В душе не презирать людей».

Но – музыканты эмоциональны и отходчивы. Сколько раз убеждалась в этом! После жарких слов на собраниях коллектива, когда все выплескивалось наружу - и обиды, и ультиматумы, и критика, и похвалы, - музыканты возвращались за свои оркестровые пульта.

Потребность самовыражения в своей профессии вступает в борьбу с жестокими материальными трудностями. Годами решаются проблемы приобретения инструмента, болезненным остается вопрос содержания семьи, гостиничный быт измеряется десятилетиями. Вопрос о проведении свободного времени вызывает ироническую улыбку. И все чаще приходится задумываться о стремительном падении престижа родной профессии.

Но начинается спектакль, и вступают в действие иные временные законы. На сцене каждый вечер происходят трагедии, к которым нельзя привыкнуть. Условность театра остается на сцене, а «правда чувств» каждый раз заново, через рожденную в их руках музыку, оставляет след в душе оркестрантов.

Оркестр гибок по отношению к любимым солистам, и они в свою очередь пошлют в яму благодарный поклон. Оркестр готов играть «фуэте» «под ногу» балерине, сраженный ее артистическим обаянием. Но разрушающе коварен по отношению к солистам, не постигшим тайн своей профессии.

А сколько выдержки и внутреннего благородства требует ансамблевая игра! Умение не только высказываться, но и слушать, здесь приобретает двойной смысл.

Все чаще во время спектакля приходят мысли о том, что исчезают в небытие многие традиции, происходит резкая смена в составе оркестра, нарушается преемственность поколений. Зияют пустотой незанятые места, забывается особый юмор «зазорного цеха», обесценивается существовавшая ранее оркестровая этика.

Как шутят музыканты: «самое главное - сыграть начало и конец».

И действительно – как будто недавно сыграна увертюра, а вот уже звучат заключительные аккорды, означающие для оркестрантов конец рабочего дня. Под шум аплодисментов оркестр выходит из ямы, оставляя наедине счастливых героев - сцену и зрителя. Оркестранты, спеша, уходят. И еще долго не смогут успокоиться, переворачивая в памяти лист за листом священной партитуры. А утром снова на репетицию – и катится неровным клубком линия жизни оркестрового музыканта: «...однообразна и пестра, и завтра то же, что вчера».